

Три года спустя я встретил Тома во Франции. К тому времени наша страна вступила в войну, и я попал в первую волну призыва. Слышал я и о Рэндольфе: он почти три года прослужил в Медицинском корпусе, а теперь сражался за демократию плечом к плечу с товарищами.

Мы уже неделю мокли под ливнем в каком-то освобожденном французском городке. Чтобы привести нас в должную форму, к нам прислали опытных офицеров. Среди них оказался и Рэндольф:

— Старина Макдональд, наконец-то!

Должен признаться, в этом «наконец-то» был укол иронии. Я осознал неравенство нашего положения: его годам тягот и лишений я мог противопоставить лишь несколько проведенных в учебном лагере недель.

Он был очень рад снова увидеть меня и той же ночью приготовил баранину по-брансуикски — на сей раз из кроликов, выпрошенных у старичка со старушкой, когда-то работавших слугами в замке,

где мы расквартировались. Они вернулись вскоре после отступления бошей¹ и теперь пытались привыкнуть к новой жизни.

Кастрюль с подогревом, конечно, не завезли, и блюдо пришлось готовить в железном горшочке на открытом огне в старинной кухне. Кроликов пожилая пара продала с одним условием:

— Только оставьте кусочек для мадемуазель.

— Мадемуазель?

— Она живет с нами, месье. И ей нездоровится. Мы приберегали кроликов для нее.

Рэндольф сделал хорошо знакомый мне широкий жест:

— Не соизволит ли она отужинать с нами?

Старушка покачала головой: она не знает, но пойдет и спросит.

Быть может, она лестно отзывалась о нас. Быть может, гостье просто было одиноко. Так или ина-

¹ Кличка немецких солдат.

че, мадемуазель согласилась выйти из уединения — измозженная, смуглая, небольшого роста, но вполне уверенная в себе девушка.

Я нередко задаюсь вопросом, что она подумала в первые мгновения при виде Рэндольфа, который руководил ужином и размахивал ложкой словно король — скипетром. Мадемуазель очень хорошо говорила по-английски, однако многое было ей в диковинку:

— У вас на родине джентльмены готовят сами?

Том обрисовал ей картину жизни на плантации своего дедушки: все работы по хозяйству делали негры, за исключением тех случаев, когда джентльмены желали поучаствовать лично.

Та брезгливо передернулась.

— Черные люди? Мне такое не по нутру.

Ужин еще не закончился, но мне уже стало ясно: Рэндольф нашел себе ровню. На каждый его аристократический предрассудок она отвечала десятком. И за это он ее обожал. Наконец-то нашлась дама, которая застегнет на нем доспехи, оценит щит, повяжет ленточку ему на рукав!

Он восседал на краю стула в любимой позе — вздернутые плечи, скрещенные на груди руки. Опустить на лоб стриженные волосы не получалось, но, несмотря на это, девушка смотрела озадаченно, как будто он ей кого-то напоминал.

Но первым вертящееся на языке имя озвучил старичок. Унося остатки рагу, он пробормотал жене по-французски:

— Это Наполеон.

Мадемуазель затаила дыхание:

— Точно, Гастон.

И обратилась ко мне — по-английски:

— Вы видите?

— Да. Мы так и прозвали его в университете.

— Бонапартом?

— Именно.

Теперь она больше не выглядела измозженной — ее щеки вспыхнули краской.

— Ах, если бы только он был здесь, он бы спас Францию!

— Император боролся бы с императором? — заметил я.

— Он был великим демократом. Он любил народ. Власть немножко испортила его, но он не переставал заботиться о простых людях, в отличие от Бурбонов. Луи потешался над народом и лишился головы. Наполеон так не поступал. Он любил Францию. Если бы он был жив, то спас бы нас.

— Говорят, он вернется, — подала голос старуха из темного угла.

— Да, Марго.

Мадемуазель встала и выпрямилась, положив руку на сердце. Рэндольф пожирал ее глазами. Он не принимал участия в беседе. Странно было видеть его таким молчаливым; Том сидел, скрепив руки на груди, подняв плечи и сверкая глазами.

— Это правда, — горячо настаивала мадемуазель, — солдаты говорят, он вернется в час великой нужды Франции.

— В каждой стране есть свои легенды о герое, который однажды вернется, — ответил я.

— Но Наполеон же не бросит Францию — не так ли, мсье?

Дальше последовало неизбежное: Рэндольф и мадемуазель Жюли полюбили друг друга. Он боготворил ее, как когда-то девушек в университете. Она не походила на Мэдж Бэллоу, приземленную и корыстную, — нет, она представала в обличье Элоизы¹, Николетты², Жанны д'Арк — жертвенной и страстной. Они с Рэндольфом были на равных. Они парили в общих грезах, вместе вставали на рассвете встретить солнце, вместе уходили в сумерки любоваться полумесяцем.

И все это время война была рядом — до нас доносился грохот тяжелой артиллерии. Началось весеннее наступление. Немцы возвращались.

Никогда не забуду ночь, когда мы с Томом получили приказ возвращаться на фронт. Мадемуазель пришла с букетом фиалок. Рэндольф нежно взял в руки ее ладони с хрупкими цветами. Он был идеальным влюбленным — Окассеном, Абеяром...

— Фиалки... Позвольте мне взять три?

— Почему три, мсье?

— Одну во имя любви, одну во имя истины, одну во имя постоянства, мадемуазель.

Том вынул из кармана молитвенник. Взял фиалки, дотронулся ими до ее губ, затем сам поцеловал их. Я видел все это, сидя в тени. Никогда бы не додумался поцеловать девушку таким образом. Но это в самом деле выглядело восхитительно.

Он спрятал фиалки в молитвенной книжке.

Влюбленные сидели у костра до поздней ночи. Я прошел мимо, не потревожив их. Перед тем, как уйти, Том встал перед Жюли на колени, а она наклонилась и поцеловала его в лоб.

Впоследствии Рэндольф много говорил о ней — куда больше, чем стал бы я на его месте. Но по-

¹ Французская аббатиса, известная своим трагичным романом с теологом Абеяром.

² Принцесса из средневекового рыцарского романа «Окассен и Николетта».

требность в зрителях, в аудитории сделала его слишком самонадеянным. Том считал, что должен стать достойным Жюли, что если не вернется домой героем, то тем самым умалит ее достоинство. Не думаю, что он был смелее других, однако в силу убеждений стал безрассудно храбр. Он нуждался в овациях, в одобрении — не мог жить без этого.

Той ночью наш отряд оказался отрезан от основных сил. Мы сидели в окопах за небольшим холмом, пока что скрывающим нас от врагов. Стояла сырая холодная погода, горячей пищи не было уже несколько дней. Мы, американцы и французы, сражались плечом к плечу долго и упорно. Переносить пытку неизвестностью было особенно тяжело. И все же не оставалось ничего другого, как ждать со стороны противника наступления с единственно возможным финалом — штыки и рукопашная. И я ненавидел такую перспективу.

Как и остальные — за исключением Рэндольфа. Ливень прекратился, луна озарила мир сиянием. Том посмотрел на нее с мечтательным видом.

Еще до полуночи стало ясно, что боши нас заметили. Когда они нападут — вопрос считанных минут. И тогда начнется то самое, чего мы хотели избежать: бой на штыках и голыми руками, когда все шансы на стороне врага!

Среди солдат раздалась испуганные возгласы. Они страдали от холода, голода, а некоторые от ран, а теперь вдобавок лишились последней надежды. Это была не трусость — я никого не назвал бы трусом. Некоторые смотрели в лицо смерти уже тысячи раз. Тем не менее в их глазах плескался страх перед нависшей неизбежностью.

Рэндольф оказался моим соседом по траншее: — О господи, Макдональд, они оробели...

Промедление было смерти подобно. Я заметил: он что-то делает со своей шляпой.

Как я уже говорил, стояло полнолуние. Луна озаряла диковато-красивым светом мир, испещренный шрамами битв. И вдруг между нами и немцами на маленьком холмике показалась маленькая, но властная фигура человека в низко сидящей треуголке. То была картина, виденная сотни раз: Наполеон Маренго, Наполеон Аустерлица, Наполеон Йены, Наполеон Фридланда¹, но, что самое важное, — Наполеон Франции!

Разумеется, немцы застрелили его. Но когда они спустились с холма, их встретили увидевшие призрака французы.

— *C'est l'Empereur! C'est l'Empereur!*² — восклицали они. — Он вернулся, чтобы вести нас за собой!

Французы дрались как дьяволы, а мы... мы тоже дрались. И в промежутках между кровавой бойней мне являлась одинокая фигура Рэндольфа в лучах лунного света. Да и Рэндольф ли это на самом деле? Есть ли у душ великих людей время для земных мелких дел? И мелких ли? Кто знает?

Полагающиеся Тому награды переслали старому полковнику. А фиалки из молитвенника отправились обратно к мадемуазель. Как и старая, помятая в форму треуголки шляпа. И я рассказал Жюли о совершенном им подвиге.

Она ответила по-английски:

— Мсье, я утешаюсь тем, что любила великого человека. Пусть же их души сольются воедино во славу победы!

Перевод с английского Евгения Никитина.

¹ Победоносные для Наполеона битвы.

² Это Император! (фр.)